

Сны Джордано Бруно

Действующие лица:

Джордано Бруно

Первый Инквизитор

Второй Инквизитор

Жрец

Жена жреца

Юная жрица

Участники жертвоприношения

Сцена первая

Пытка первая

Темный подвал. На одной из стен - проем с решетками. Света немного, но достаточно, чтобы увидеть фигуру спящего на полу мужчины. Открывается дверь, и в помещение заходят Инквизиторы. Один из них крепит на стену факел.

Первый инквизитор: уж сегодня он заговорит.

Второй инквизитор: это уже десятый раз. Не заговорит.

Первый инквизитор: но у меня есть радостная новость.

Второй инквизитор: да?

Первый инквизитор: нам разрешили кошачий коготь.

Второй инквизитор: хоть что-то должно его взять... Я слышал, что он не только еретик, но и колдун.

Первый инквизитор: я окропил коготь святой водой.

Второй инквизитор: отлично! Эй, Бруно, просыпайся!

Первый инквизитор чешет спящему спину железным крюком. Второй инквизитор хихикает. Вдвоем они тащат Бруно к стене с факелом.

Первый инквизитор: исхудал, бедняга.

Второй инквизитор: так Ада нет?

Первый инквизитор поддевает крюком грудь узника. Глаза Бруно открыты и неподвижны. Он молчит.

Второй инквизитор: значит, никто не осужден на вечные муки и все будут спасены, даже демоны. Так ты говорил, и тому много свидетелей.

Первый инквизитор: и Господь наш умер не на кресте, а был повешен, как предатель Иуда.

Первый инквизитор вырывает крюком кусок живота Бруно. Второй инквизитор плачет.

Первый инквизитор: ты чего?

Второй инквизитор (сквозь слезы): Христос... Повешен! Христос! Повешен! Как можно было такое придумать?

Первый инквизитор: ты не знал об этом?

Второй инквизитор: нет... Не знал... Дай мне коготь.

Второй инквизитор, скрипя зубами, запускает крюк в шею Бруно.

Первый инквизитор: осторожнее, он должен дожить до казни.

Второй инквизитор (брызгая слюной): повешен! повешен! повешен!!!

Через несколько секунд он кладет крюк на пол и садится рядом.

Первый инквизитор: легче?

Второй инквизитор: легче.

Первый инквизитор: понимаю тебя. Когда я услышал об этом, то чуть не изжарил его заживо. Еле остановился. Неисповедимы пути Господни. Как Он допускает существование еретиков?

Второй инквизитор: воистину, неисповедимы...

Инквизиторы осеняют себя крестным знамением.

Второй инквизитор: куда он смотрит? Мне страшно от его взгляда.

Первый инквизитор: может, призывает дьявола?

Второй инквизитор (в страхе): давай вырвем ему глаза!

Первый инквизитор: нельзя.

Второй инквизитор: было распоряжение?

Первый инквизитор: да. Он должен видеть толпу.

Второй инквизитор: ясно... Ну, продолжим?

Первый инквизитор поднимает крюк.

Первый инквизитор: и Каин был честным человеком? Убийство Авеля - благодеяние?

Первый инквизитор терзает плечо Бруно. Второй инквизитор, прижав руки к груди, с широко раскрытыми глазами наблюдает за неподвижными глазами узника.

Второй инквизитор: мне кажется, он и сам - убийца. Иначе зачем он оправдывал Каина?

Первый инквизитор (не прекращая пытку): рассказывали, что пять лет назад брат Франческо помер сразу после допроса Бруно. Выйдя на улицу, он посинел и упал на землю... Так ты называл Моисея магом?

Первый инквизитор наклоняется над Бруно и кричит ему в ухо.

Первый инквизитор: ты сказал так, потому что сам - окаянный маг! Проклятый черт! Ты уравнивал себя с Моисеем, тварь!

Второй инквизитор: он и Христа называл магом.

Первый инквизитор вырывает Бруно кусок пальца.

Второй инквизитор: смотри, он закрыл глаза.

Первый инквизитор: отключился.

Второй инквизитор: слава Богу, а то я больше не могу выносить его взгляд.

Первый инквизитор: я голоден.

Второй инквизитор: и вина бы сейчас хорошо.

Первый инквизитор: копченая говядина...

Второй инквизитор: с макаронами.

Первый инквизитор: овощное пюре...

Второй инквизитор: белый хлеб!
Первый инквизитор: и сыра побольше.
Второй инквизитор: жареной свининки с жарким из козлятины...
Первый инквизитор: гренки со спаржей!
Второй инквизитор: отварная каракатица!
Первый инквизитор: телячья голова...
Второй инквизитор: крольчатина...
Первый инквизитор: рыба в бульоне!
Второй инквизитор: голуби на вертеле!

Голоса инквизиторов становятся такими звонкими, будто они находятся не в крохотном подвале, а в огромном пустом зале. Сам подвал кажется сотканным из тумана. На какое-то мгновение подвал исчезает, туман сгущается, и его голубоватая дымка походит на глаза Бруно.

Сон Первый

Берег моря. У кромки воды стоят пять камней. К каждому из них привязан человек. Лица этих людей закрыты большими красными листьями. Напротив камней находится белый жертвенный алтарь кубической формы. На нем, преклонив колени, сидит седой жрец, одетый в желтые просторные одежды. У него худое лицо, большие глаза, бледная кожа и тонкие пальцы, сжимающие нож с красным камнем. Жрец поднимает нож то вверх, то вниз.

Жрец: Луна! (поднимает нож вверх) Океан! (опускает нож вниз). То, что вверху, подобно тому, что внизу! Праздник священного брака между Матерью Луной и Отцом Океаном!

В некотором отдалении от камней и алтаря стоит группа крестьян и живо обсуждает происходящее.

Первый крестьянин: я помню прошлый Праздник, тогда Боги забрали мою жену. Жрецы подарили мне голубые раковины.

Второй крестьянин: голубые раковины! О! Они стоят очень дорого!

Первый крестьянин: о да... Жена отправилась к Богам, а я - на Праздник в Полис.

Третий крестьянин: пять дней мы ели так много, что я потом месяц животом мучился.

Все довольно смеются.

Четвертый крестьянин: и теперь будет так. И так будет всегда.

Первый крестьянин: как вечны Луна и Океан, наши мать и отец.

Пятый крестьянин: а вы никогда не думали о том, что происходит здесь, когда мы покидаем родные места и идем на Праздник? Луна становится такой огромной, а вода - столь беспокойной.

Второй крестьянин: да что тут думать? Жрецы ничего не держат в тайне. Отец и Мать забирают оставшихся и наши дома, чтобы в небесных деревьях было, где жить.

Пятый крестьянин: а зачем они обламывают ветки деревьев?

Четвертый крестьянин: может, они так шутят. Откуда нам знать, что на уме у Богов?

Пятый крестьянин: я очень долго думал об этом. И знаете, что к чему я пришел?

Крестьяне недоверчиво смотрят на него.

Пятый крестьянин: вода и Луна. Когда Луна становится такой большой, вода начинает беспокоиться, выходит на берег и смывает все. Потому мы и покидаем дома.

Третий крестьянин: ерунда! Ты хочешь сказать, что жрецы лгут нам?

Пятый крестьянин: ну отчего... Волнение воды и правда напоминает дрожь мужчины перед встречей с возлюбленной. И Боги действительно забирают людей. Они же тонут.

Первый крестьянин: то есть, вместо того, чтобы отправиться вместе с Богами в небесные деревни, моя жена попросту утонула?

Пятый крестьянин: ну... да. Как и мой сын.

Первый крестьянин: чушь! Я ни за что в это не поверю!

Четвертый крестьянин: ну и фантазер ты, дружище.

Крестьяне дружно смеются.

Жрец подходит к привязанным и очерчивает вокруг камней круг ритуальным жезлом. Поет, неразборчиво шепчет заклинания.

Жрец (обращаясь к крестьянам): чего ждете? Идите к другим! Вам пора на Праздник!

Крестьяне спешат удалиться. Выждав, пока они уйдут, жрец садится на камень и закрывает лицо руками.

Жрец (бормочет): одна луна до ее отъезда... семь до последнего дня. Никто не должен узнать о нас. Через шесть лун я заберу ее, мы скроемся, и тогда уже ничего не помешает... Ничего.

Прилив... Пора уходить. Еще несколько часов, я начал рано. Потерпят. Девочка моя...

Девочка... Какой страшный грех мы с тобой разделили.

Жрец продолжает бормотать, но уже совсем неразборчиво.

На берег спускается туман. В тумане проступает лицо Джордано Бруно. Его глаза моргают.

Туман становится все гуще и целиком скрывает, а потом резко рассеивается.

Высокий треугольник белого храма, на самом верху находится святилище, к которому ведет широкая лестница. Святилище и лестницу занимают жрецы в желтых одеждах. У подножия храма, предвкушая праздник, бушует толпа.

Жрецы поднимают руки, показывая ладони небу и хором произносят слово Мехтерфтер.

Люди повторяют за ними.

Туман снова скрывает все и вновь рассеивается.

Вдалеке виднеется храм, жрецов на нем больше нет. Вокруг пальмы сидят уже знакомые нам крестьяне.

Третий крестьянин: ох я и наелся. Я все удивляюсь, как им удастся накормить такую прорву народа. Конечно, Праздник случается нечасто, но все-таки.

Пятый крестьянин: это потому, что рабов в три раза больше, чем граждан.

Третий крестьянин: головастый наш! Может, ты еще знаешь, чем занимаются во время Праздника сами жрецы?

Пятый крестьянин: тем же, чем и мы, только с большим блеском. Со сколькими женщинами ты сошелся в этот раз?

Третий крестьянин: я напился амброзии и не помню.

Пятый крестьянин: сколько бы ни было, наш жрец взял столько же и еще три раза столько же. Крестьяне смеются.

Второй крестьянин: наш жрец? Да он если с одной сошелся - и то чудо. Ты видел, какой он тощий?

Первый крестьянин: он стар и сед.

Четвертый крестьянин: да и поговаривают, что до женского пола не охоч.

Пятый крестьянин: вы снова не поняли, что я хотел сказать.

Третий крестьянин: да какое дело до этого... Мы сыты, обласканы и готовы трудиться дальше.

Четвертый крестьянин: я слышал еще, что в прошлый Праздник этот жрец убил свою жену ради дочери.

Первый крестьянин: не может быть!

Второй крестьянин: мне тоже об этом рассказывали.

Третий крестьянин: немыслимо...

Четвертый крестьянин: Жена хотела отправить девочку в храм Солнечной страны, чтобы спасти от позора. И он зарезал ее. Дочь обесчестил, а ее мать убил!

Пятый крестьянин: жрецам все позволено. Если бы такое сделал кто-то из нас, то уже давно бы кормил акул.

Третий крестьянин: но Праздник выдался отличный. В жизни не ел столько мяса. А сладости, что раздавали голые рабыни? До следующего Праздника хватит воспоминаний...

Четвертый крестьянин: а я был с черной женщиной.

Первый крестьянин: а мне досталась пленница из Солнечной страны! Бедрa узкие, как у мальчика!

Второй крестьянин: а я сразу с двумя!

Пятый крестьянин: а я подслушал очень интересный разговор.

Крестьяне внимательно смотрят на него. Туман скрывает все.

Сцена вторая

Пытка вторая

В подвале установлен Т-образный крест, на котором вниз головой висит Бруно. Его левая нога привязана к горизонтальной перекладине, а правая нога согнута в колене и привязана к левой.

Рядом с крестом сидят инквизиторы.

Первый инквизитор: когда душа покидает тело, она может войти в другое, но после смерти направится или в ад, или в рай... Он смеется над нами.

Второй инквизитор: а что, если...

Первый инквизитор: что?

Второй инквизитор: вдруг, когда мы пытаем его, он уходит из тела? Бруно же колдун. И эти пустые глаза... Словно смотрит сам дьявол, прости Господи.

Первый инквизитор: ты хочешь сказать, что дьявол защищает его и занимает тело Бруно на время пыток?

Второй инквизитор: да. И поэтому мне так страшно находиться рядом с ним.

Первый инквизитор: завяжем ему глаза?

Второй инквизитор: да, да!

Первый инквизитор обматывает голову Бруно грязной серой тканью. Второй инквизитор с облегчением вздыхает.

Второй инквизитор: спасибо, друг. Признаться, мне не хочется прикасаться к нему ничем, кроме когтя и щипцов. Была одна история...

Первый инквизитор (укоризненно): на аспиде и василиска наступишь, попирать будешь льва и дракона. Что за история?

Второй инквизитор: еще в молодости. Давно. Допрашивал женщину. Недолго это было, создалась быстро. Отправили на костер, а потом я полгода жил, как во сне.

Первый инквизитор: это как?

Второй инквизитор: голос ее везде мерещился! Ветер подует - и шелест будто бы в слова складывается. Словно она говорит со мной. И везде этот чертов голос, в шуме воды, лязге дверей, шорохе одежды, криках птиц, а больше всего - в треске огня.

Первый инквизитор: и что она говорила?

Второй инквизитор: я не мог понять. И не хотел. Боялся. Думал, прокляла меня.

Первый инквизитор: потом прошло?

Второй инквизитор: прошло, с Божьей помощью, как и не было. Но до сих пор, как вспомню - холодею.

Первый инквизитор: дьявол мстил за свою подружку.

Второй инквизитор: я решил, это потому, что я ее коснулся. Нога торчала из-под рогожи, кожа белая-белая, я никогда такой не видел. Захотелось потрогать. Мне казалось, она спит. А она глаза открыла, засмеялась, а потом как давай рыдать и вопить.

Первый инквизитор: точно - прокляла... Ну что, переворачиваем еретика?

Второй инквизитор: сделай это сам, хорошо? Я не хочу его трогать.

Первый инквизитор: ты чего это? Крест какой тяжеленный, и он, видишь ли, не младенец.

Второй инквизитор: перекрести меня.

Первый инквизитор крестит второго.

Первый инквизитор: успокоился?

Второй инквизитор: немного. Давай так: я берусь за перекладину, а ты за столб.

Первый инквизитор: хорошо...

Начинают переворачивать крест. Ткань спадает с лица Бруно. Второй инквизитор вскрикивает и упускает перекладину из рук. Крест валится на пол и задевает перекладиной первого инквизитора.

Первый инквизитор: ты что творишь!

Второй инквизитор: ты не видел его глаз... Они светились!

Первый инквизитор: чушь!

Второй инквизитор: Богом клянусь!

Первый инквизитор: ты идиот... Ладно. Поднимаем его.

Второй инквизитор: нет! Давай чуть-чуть подождем.

Первый инквизитор: ты действительно брат святой службы или переодетая девица на выданье? Стыдись!

Второй инквизитор: чтобы мне света белого не видеть, если его глаза не светились! Я не трус, брат! Бруно и правда колдун!

Первый инквизитор: да чтоб тебя! Замолчи уже!

Второй инквизитор: брат...

Первый инквизитор: что?

Второй инквизитор: брат, а дай ему по голове, чтобы отключился. Тогда и перевернем.

Первый инквизитор: надоел... Твоя взяла, сейчас.

Первый инквизитор приподнимает вертикальную часть креста и с силой кидает ее на пол. Удар молнии освещает подвал. За ним следует еще несколько ударов. Подвал исчезает. Огромная окровавленная рука щелкает пальцами.

Сон второй

Сжатый разбитый кулак открывает ладонь, и из нее сыпется песок. Из песка вырастают пальма и пятеро крестьян из предыдущей сцены.

Второй крестьянин: значит, ты увидел жреца с дочерью и спрятался между камнями?

Пятый крестьянин: люди не уединяются для того, чтобы говорить о приличном и общеизвестном. Я почувствовал запах тайны. И так уж случилось, что в подслушанном оказались интересы каждого из нас. Это должны узнать совершенно все.

Третий крестьянин: не тани, о чем они говорили?

Пятый крестьянин: слушайте!

Крестьяне замирают. Теперь это не люди, а статуи из песка. Сильный порыв ветра разбивает их, кружит песок, и мечущиеся во все стороны песчинки постепенно складываются в статуи жреца и юной жрицы.

Юная жрица: и еще раз говорю тебе, я не могу на это пойти.

Жрец: я не думал, что ты такая напыщенная и глупая девчонка, моя красавица.

Юная жрица: что ты такое говоришь? Зачем?

Жрец: ты просто изводишь меня, да?

Юная жрица: моя жизнь превратилась в кошмар. А после такого я вообще не смогу жить. Это предательство, как ты не понимаешь?

Жрец: ах, значит теперь ты, бесстыжая, заговорила о добродетели.

Юная жрица (плачет): прекрати!

Она закрывает лицо руками. Жрец падает на колени и обнимает ее ноги.

Жрец (шепчет): просто я хочу, чтобы ты уехала... Чтобы мы убрались отсюда. Чтобы забыли все, будто ничего и не было.

Юная жрица: и поэтому ты унижаешь меня?

Жрец: прости, прости... Я не могу позволить тебе погибнуть.

Юная жрица: а чем моя жизнь ценнее, чем жизни всех, кто обречен остаться здесь?

Жрец (в гневе): дура! Подчинись!

Юная жрица: я никуда не поеду. Беги сам. Я больше не могу терпеть сама себя и думать о прошлом.

Жрец: ты ни в чем не виновата, малышка... Убийца я, а не ты.

Юная жрица: так не убивай меня, замолчи!

Девушка пытается уйти, но жрец хватается за руку и с силой разворачивает к себе.

Жрец: ты никуда не пойдешь, поняла?

Юная жрица: отпусти!

Жрец: ты делаешь так, чтобы сделать мне больно? Чтобы я каялся и упрашивал тебя поступить правильно?

Юная жрица: нет!

Жрец: ты хочешь, чтобы я не знал покоя и сна?

Юная жрица: я прошу тебя...

Жрец: сколько еще мне просить тебя, потаскуха? Думаешь, я не понимаю, что ты просто морочишь мою голову? Признавайся, ты спала с ним, так?

Юная жрица: о чем ты?

Жрец: так я и знал...

Юная жрица: я не понимаю, что ты хочешь сказать!

Жрец: я видел, как он заходил к тебе.

Юная жрица: мы говорили о Празднике и обсуждали церемонию Общего Посвящения.

Жрец: он не любит тебя, красавица моя.

Юная жрица: ты сошел с ума...

Жрец: ты! Спала! С ним! И с ним же теперь собираешься скрыться от меня, тварь! Ты предала меня!

Он бьет ее по лицу. Рыдая, юная жрица убегает. Жрец падает на песок.

Жрец (бормочет): я сам не знаю, что творю... Она плачет. Значит, я не прав? Или она обманывает меня, хитрая дрянь? А сама уедет с ним... С ним! Или и правда хочет погибнуть? (кричит) Ты сделаешь так, как я решил, слышишь? Мы уедем! (бормочет) Она права, я и правда не в себе. Когда моя красавица рядом, я совсем зверею. Я болен, так?

Юная жрица возвращается, садится рядом с жрецом и берет его за руку.

Юная жрица: послушай меня... Я не обманываю тебя и никогда не обманывала. Ты веришь мне?

Жрец: верю.

Юная жрица: мы не уедем. Мы должны остаться здесь. Только так мы сможем искупить наш грех. Ты понимаешь?

Жрец: богов нет, девочка моя. Нет ни кары, ни поощрения, стало быть, и искупление ни к чему. И прощение тоже.

Юная жрица (в ужасе): что ты говоришь? Послушай самого себя...

Жрец: я уже сам не знаю, что говорю. Ты права. Я очень устал. Я хочу жить. Я хочу счастья.

Сделай так, как я прошу... К чему эти жертвы? Уйдем от всего!

Юная жрица: мы будем вместе в жизни вечной. Осталось недолго.

Жрец: плевал я на вечную жизнь. Пожалуйста, не лишай меня надежды.

Жрец обнимает ее колени. Они застывают. Ветер разбивает статуи из песка и вновь складывает пальму и крестьян рядом с ней.

Пятый крестьянин: вот так, друзья мои. Скоро наша страна погибнет, но жрецы все скрывают от нас, чтобы спастись самим в уюте и комфорте.

Второй крестьянин: не могу поверить...

Пятый крестьянин: но это так. И мы должны сделать так, чтобы эту страшную правду узнали все. Мы должны...

Первый крестьянин бьет пятого головой об пальму.

Четвертый крестьянин: ты что сделал, брат?

Первый крестьянин: а ты не понял, почему молчат жрецы? Если люди узнают о том, что случится, начнется паника, и тогда не уцелеет никто!

Третий крестьянин: и правда...

Четвертый крестьянин: и что ты предлагаешь?

Первый крестьянин: убить нашего любознательного, разговорчивого друга, собрать родных и отправляться в путь.

Третий крестьянин: я не против.

Четвертый крестьянин: но только благодаря ему мы спасем себя и наши семьи... Может, уговорим его промолчать?

Первый крестьянин бьет четвертого головой об пальму.

Первый крестьянин: так надежней будет.

Удар молнии. Ее отблески смешиваются с песком, разлетающимся в разные стороны.

Сцена третья

Пытка третья

На месте креста - табуретка, на которой сидит Бруно. На его ноге испанский сапог.

Второй инквизитор: ну, поехали!

Первый инквизитор сжимает тиски на сапоге.

Первый инквизитор: ну как, впору?

Инквизиторы дружно смеются.

Второй инквизитор: тебе всего лишь нужно признать справедливость обвинений, Джордано.

Первый инквизитор: и отречься от богопротивной ереси.

Второй инквизитор: может быть, святая церковь обеспечит тебе пособие по инвалидности и работу уборщика при монастыре. Все равно ты больше ни на что не сгодишься после всех этих лет.

Первый инквизитор: но все лучше костра, не так ли?

Второй инквизитор: добавь еще, брат.

Слышен хруст и ойканье первого инквизитора.

Первый инквизитор: я испачкался.

Второй инквизитор: да, благодаря святой службе доброй прачке всегда найдется работа.

Кровь у него какая-то темная.

Первый инквизитор: в тон душе.

Второй инквизитор: не думаю, что костер спасет его от божьего суда. Не знаю, какие муки способны стереть такие грехи...

Первый инквизитор: не печалься, мы делаем все, что можем.

Второй инквизитор: Бруно, ты благодарен нам?

Первый инквизитор: кажется, всем своим видом он говорит нам волшебное слово.

Второй инквизитор: а я думаю, он сказал нам уже очень много, но все молча.

Первый инквизитор: я не уверен, что Бруно в своем уме последний месяц. Невозможно выдержать такие пытки молча.

Второй инквизитор: брат, он колдун.

Первый инквизитор: обижаешь! Знаешь, скольких колдунов на своем веку я заставил кричать, говорить и даже петь?

Второй инквизитор хихикает.

Первый инквизитор: я совершенно серьезно! Пытали одного такого умника огнем, он как давай орать, мол, признаюсь во всем, только остановите этот кошмар, а я ему - пой Ave Мария 33 раза, как закончишь - прекращу. Ты бы слышал, что это было...

Смеются оба.

Первый инквизитор: так что, брат мой, мне даже обидно, что он переносит пытку молча. Подобное поведение упрекает мой профессионализм.

Второй инквизитор: Бруно, подай признаки жизни, а то останешься без ноги.

Первый инквизитор: я тебе говорю, он сошел с ума и ничего не чувствует.

Второй инквизитор: Бруно, не обижай палача, скажи хоть что-нибудь!

Бруно поворачивает голову и смотрит на него в упор. Второго инквизитора передергивает.

Второй инквизитор (шепчет): брат, он все слышит... Это дьявол, а не человек, точно тебе говорю!

Первый инквизитор (яростно): и на дьявола святая служба найдет управу! Держись, еретик! Хочешь сказать, сапожок тебе нипочем? Захотел каленого железа?

Бруно улыбается и кивает.

Первый инквизитор: мерзавец!

Второй инквизитор: брат, заставь его отвернуться... Этот взгляд... Он непереносим. Брат Джордано уже давно мертв, это дьявол, дьявол!

Первый инквизитор: все чаще мне кажется, что ты прав. Ты слышал, как он поносил на допросах святую деву? С каким смакованием он вещал о том, как зачинала она Христа, если бы его непорочного рождения не было!

Второй инквизитор: я читал протоколы, брат, и в каждом его выражении распознал злонамеренное кощунство. Да отвернись же ты, сволочь! Заставь его закрыть глаза, пожалуйста!

Первый инквизитор снова сжимает тиски. Бруно по-прежнему смотрит на второго инквизитора. Тот отворачивается. Первый инквизитор продолжает сдавливать ногу узника.

Первый инквизитор: ну и черт с тобой! Завтра этот сапог будет горячим, как задница Люцифера!

Второй инквизитор: будет тебе изгнание торжествующего зверя, скотина!

В подвал заплывает луна и стирает его. Остаются только глаза Бруно. Несколько секунд они светятся.

Сон третий

Темнота. Кружащаяся луна проявляет в ней силуэты жреца и юной жрицы, а затем занимает свое место на небосклоне. Слышен крик птицы.

Юная жрица: ты видел? Птицы собираются в стаи и летят прочь.

Жрец: завяли храмовые цветы.

Замолкают. Она обнимает его за спину, кладет голову на плечо.

Юная жрица (шепчет): зачем ты убил маму?

Жрец вздрагивает и отталкивает ее.

Жрец: маленькая дрянь, долго ты будешь напоминать мне об этом?

Юная жрица: я снова услышала, как она кричит.

Жрец: никогда мне не будет покоя...

Луна спускается с неба, становится плоской и ложится на пол. Из нее поднимается тень. Эта прозрачная, сотканная из лунного света женщина - жена жреца.

Юная жрица: мама пришла...

Жрец: что ты городишь?

Юная жрица: да вот же она, стоит рядом с нами. Ты не видишь?

Жрец: никого я не вижу!

Юная жрица: зато я вижу очень хорошо.

Жена жреца качается, как ветка на ветру. В ее руке - нож. Жена жреца чиркает ножом по своей шее.

Юная жрица: сначала ты бил ее, а потом перерезал горло.

Жрец вскакивает и начинает ходить из стороны в сторону, размахивая руками.

Жрец (будто оправдываясь): да нет же... Я ведь говорил. Я отравил ее. Она не страдала, малышка.

Юная жрица: ты лжешь.

Жрец: зачем мне лгать?

Юная жрица: чтобы меньше ненавидеть себя. Я знаю, как все было. Я вижу это каждую ночь.

Жрец: не надо...

Юная жрица: нет, я расскажу. Луна будит меня, и все исчезает. Все, кроме темной комнаты, в которой вы вдвоем. Она упрекает тебя и корит...

Жрец: прямо как ты сейчас!

Юная жрица: она говорит, как ты мог! Она в ужасе. Она хочет спасти меня от позора...

Жрец: ничего бы не было, если бы ты не сказала ей, что любишь меня! И как ты меня любишь...

Юная жрица: в гневе ты бьешь ее по лицу. В живот. Головой об стену...

Жена жреца кивает и улыбается. Жрец прекращает метаться, застывая в том самом месте, где стоит призрак.

Юная жрица: потом ты наступил ногой на ее руку и вытащил нож. Все было именно так.

Жрец: я ненавижу тебя... Звездочка моя.

Юная жрица: лучше бы я никогда не рождалась.

Жрец берет ее за руку.

Юная жрица: скорее бы умереть. Все забыть.

Жена жреца качает головой. Юная жрица кричит.

Жрец: да что такое?

Юная жрица: она говорит, что я никогда это не забуду!

Жрец: ты больна, девочка... Как и я. Но все пройдет, если мы покинем этот проклятый храм, эту забытую богами страну.

Юная жрица: ты ошибаешься. Даже смерть этого не излечит. Я вижу ее - а значит, смерти нет!

Жена жреца прыгает и превращается в луну. Луна растворяет все.

Спрятав тела убитых товарищей и найдя свои семьи, крестьяне спешат к страже, чтобы получить разрешение на выход с Праздника.

Первый крестьянин: моим детям нездоровится. Мы хотим покинуть Праздник и отправиться на целебные источники Лунной Богини.

Первый стражник: проход запрещен.

Первый крестьянин: почему это?

Первый стражник: В этот раз Праздник длится дольше, чем обычно. Приказ жрецов.

Третий крестьянин: как же это так? Получается не Праздник, а тюрьма.

Третий стражник: выходить запрещено, дабы не вызвать гнева богов.

Первый стражник: вы заметили, какая ночью была луна?

Первый крестьянин: нет. Нам было не до луны.

Третий стражник: она была больше обычной Праздничной луны вдвое.

Первый стражник: она была красного цвета.

Третий стражник: Богиня в гневе! А вы еще собрались на источники!

Третий крестьянин: мы отправимся на другие источники, чтобы не злить Богиню.

Пропустите!

Первый стражник: будете упрямы, отправитесь в яму.

Первый крестьянин: мы поняли вас.

Третий крестьянин: и правда, незачем гневить Богиню.

Первый крестьянин: ведь жрецы ничего не делают просто так.

Третий крестьянин: простите нас.

Крестьяне кланяются страже и уходят.

Сцена четвертая

Пытка четвертая

Джордано Бруно в железном кресле, на его скрещенных ногах раскаленные оковы.

Первый инквизитор: я придумал кое-что интересное.

Второй инквизитор: и что же?

Первый инквизитор: видишь ли, я коллекционер. Я собираю настои, травы и яды.

Второй инквизитор: и где же ты их берешь?

Первый инквизитор: у заключенных, у кого же еще.

Второй инквизитор: и...

Первый инквизитор: предлагаю взбодрить его вот этим.

Второй инквизитор: как оно действует?

Первый инквизитор: усиливает чувства раз так в пятнадцать. У особо тонких натур вызывает кошмарные видения. Так мне сказал один колдун...я хочу сказать, аптекарь.

Второй инквизитор: ясно... Ну что, тонкая натура, не замерз?

Инквизиторы заливают в горло Бруно какую-то жидкость из блестящего флакона.

Второй инквизитор: как быстро это подействует?

Первый инквизитор: пять-десять минут.

Второй инквизитор: признайся, ты пробовал эту дрянь, так?

Первый инквизитор: от тебя ничего не скроешь, брат.

Второй инквизитор: и что с тобой было?

Второй инквизитор превращается в свинью, а первый - в дрожащую под капюшоном солому.

Солома под капюшоном: аптекарь сказал, что это хорошо для сношения с женщинами, и я пошел к Розине. Ее окорока стали мягкими-мягкими.

Свинья довольно хрюкает, а солома под капюшоном одобрительно дрожит.

Солома под капюшоном: ее мокрое и влажное естество пахло курятинкой, а может, чем и подороже.

Свинья: так и хотелось съесть, да, брат?

Солома под капюшоном: я зарылся лицом в ее сиськи и хлопал руками по заднице. Казалось, что я играю на лютне. А потом все кончилось, хотя я даже не заходил внутрь. Стыдно признаться, но перед этим меня стошнило прямо в ее лоно.

Свинья заходится от смеха.

Свинья: так он сейчас страдает, да, брат?

Солома под капюшоном: я полагаю, после этого он уже не захочет просить помилования.

Свинья: быстрее бы его сожгли, эти глаза уже во сне преследуют меня. Тяжело с ним работать.

Свинья и Солома под капюшоном поднимаются к потолку. Одежды спадают с них. Мы видим расписанные кровавыми знаками тела, головы которых увязли в потолке. Тела трепыхаются, словно водимые лесками марионетки.

Подвал становится черно-белым и плоским. Нарисованное карандашом лицо Бруно выплевывает лицо из ткани, глаза на нем вышиты золотыми нитками и будто бы подсвечены. Эти глаза падают на пол и превращаются в кленовый лист. Соприкосновение листа с полом размывает пол, и теперь он похож на коричневую жижу, в которой создает водоворот кружащаяся трещина.

Сон четвертый

Жрец и юная жрица сидят на черном полотне перед алтарем. Алтарь являет собой соединение чаш и мечей, расположенных на растущем из монеты посохе.

Юная жрица: мы должны молить о прощении.

Жрец молчит.

Юная жрица: нам осталось семь часов и семь минут.

Жрец опускает голову и смотрит на свои руки.

Юная жрица: ты не спишь. Пора начинать молитву.

Жрец: время еще есть.

Юная жрица: нет никакого времени и не было. Нужно уходить прямо сейчас.

Жрец: нужно было уходить еще три луны назад. Теперь все кончено. Слышишь шум? Как считаешь, никто не хочет разделить нас с тобой напоследок?

Юная жрица: мне не страшно.

Жрец: мне страшно.

Юная жрица: я не боюсь боли.

Жрец: ты думаешь только о себе.

Юная жрица: прости. Давай молиться. Когда увидишь радугу, начинай звать.

Жрец: может, лучше просто убить тебя?

Юная жрица: сумасшедший!

Стены начинают шататься.

Жрец: они уже здесь. Мы не успели. Прости.

Жрец достает нож и быстрым, резким движением перерезает юной жрице горло.

В святилище заходят три крестьянина. Они смеются и потирают руки.

Душа юной жрицы поднимается из тела и заслоняет жреца от крестьян. Она целует его и сворачивает ему шею.

Юная жрица: спасибо, Боги!

Сцена сгорает.

Сцена пятая

Джордано Бруно перед костром. Его язык прибит к подбородку. Луч света исходит из его тела и летит к солнцу.